

Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы о негативной конвергенции

Автор: А. Н. ОЛЕЙНИК

Внешние факторы сыграли важную роль в инициировании и выборе курса реформ в России. Их начало совпало во времени с резким снижением цены на нефть на мировых рынках в 1985 - 1986 гг., приведшему к радикальному сокращению объема "нефтяной и газовой" ренты, вклад которой в ВВП в разные периоды времени составляет от 25% до 40% [Гайдар, 2006; Gaddy, Ickes, 2005]. Вектор российских реформ, особенно в 1990-е гг., определялся на основе институциональных заимствований и ориентации на опыт западных стран.

То, что институциональные заимствования далеко не всегда способствуют действительному реформированию политической, экономической или социальной системы страны-"импортера", замечено давно [Норт, 1997; Олейник, 1998]. Так, французский политолог Б. Бади, анализируя последствия попыток воспроизвести европейскую модель государства в африканских и азиатских странах, приходит к выводу, что они "усиливают трения, способствуют возникновению лакун (в институциональной структуре. - АО.) и становятся источником фрустрации" [Badie, 1992, p. 125]. В то же время вопрос о влиянии заимствований на ситуацию в странах-"экспортерах" остается недостаточно изученным. Институциональные заимствования - результат *взаимодействия*, каким бы асимметричным оно ни казалось. Следовательно, их влияние скорее двустороннее, чем одностороннее.

Думаю, закономерно рассмотреть вопрос о динамике увеличивающегося взаимного влияния стран, вовлеченных в процесс институциональных заимствований как в качестве образца, так и в качестве реципиента. В частности, проанализировать возможность *регресса* и в тех и в других странах в результате такого взаимодействия. Говоря более конкретно о процессе политических реформ в логике институциональных заимствований, стоит задаться вопросом о том, возможна ли эрозия демократии как в постсоветских странах (страны-"импортеры"), так и в западных странах (страны-"экспортеры"), и если да, то при каких условиях.

Статья была представлена на конференции "Государственный аппарат и политические реформы в России и Германии", организованной Российской академией государственной службы при Президенте РФ и Фондом им. Ф. Эберта (ФРГ) в РФ. Благодарю всех участников дискуссии, особенно руководителя представительства Фонда им. Ф. Эберта М. Бубе и проф. В. С. Комаровского.

О л е й н и к Антон Николаевич - доктор социологии, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН и Associate professor Университета Мемориал (Сент-Джонс, Канада).

Рис. 1. Негативная конвергенция: визуальный образ.

Гипотеза о негативной конвергенции

Допущение возможности регресса в обеих (или нескольких) вовлеченных в процесс институциональных заимствований странах может быть конкретизировано с помощью гипотезы о негативной конвергенции. Как известно, дискуссии о конвергенции экономических и политических систем были популярны в 1960-е гг. Интенсификация процессов глобализации в 1990-е гг., одним из проявлений которой как раз и является рост масштабов институциональных заимствований, способствовала возрождению интереса к идеям конвергенции. Одной из вариаций этих идей и стала гипотеза о негативной конвергенции. Французский экономист В. Андрефф формирует ее следующим образом: "В той мере, в которой международные экономические отношения способствуют воспроизведению в обеих системах тех же самых недостатков и тех же самых преимуществ, (происходит их. - А. О.) конвергенция "через взаимное заражение" (*par contamination*)" [Andreff, 2003, p. 70].

Негативная конвергенция означает, что страны, изначально находившиеся в различных, вплоть до прямо противоположных, исходных точках двигаются в направлении к одной и той же точке, причем это движение является регрессом по отношению к обеим исходным точкам (см. рис. 1). Негативная конвергенция потенциально имеет множество измерений: ее можно наблюдать в экономической (экспансия экономической преступности и стремления обходить закон), культурной (распространение феномена массовой культуры и "макдональдизации"), социальной (эрозия социальных связей и аномия) и других сферах.

Иллюстрацией негативной конвергенции в экономической сфере может служить "адаптация" крупных международных компаний к правилам игры и этическим стандартам ведения бизнеса на российском рынке. С одной стороны, на Западе, особенно после скандалов вокруг компаний Enron и Worldcomm, растет внимание к этической стороне бизнеса, видна тенденция к ужесточению этических стандартов. Многие корпорации имеют кодексы этики и специальные программы, нацеленные на предотвращение "недолжного" поведения (см., например, [Petro-Canada... 2006]). С другой стороны, различные схемы уклонения от налогообложения и коррупционные практики - неотъемлемый элемент правил игры на российском рынке. Так, по мнению лиц, занимающихся бизнесом, для России характерен устойчиво высокий уровень коррупции: индекс восприятия коррупции в этой стране с конца 1990-х гг. колеблется в пределах 2,4 - 2,8 на шкале, где 0 соответствует абсолютной коррупции, а 10 - ее абсолютному отсутствию [Transparency... 2006].

Компании, лишь рассматривающие возможность выхода на российский рынок, вполне адекватно воспринимают разрыв между западными и российскими стандартами ведения бизнеса: более половины из них считают, что у нас крайне трудно заниматься бизнесом, не нарушая международных этических и правовых норм [Russia... 2006]. В то же

время руководство западных компаний, уже работающих на российском рынке, воспринимает данную проблему значительно менее остро. Это позволяет предположить, что они "адаптировались" к менее жестким стандартам. Стабильность низких значений индекса восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index - CPI*) при снижении внимания к вопросам этики бизнеса свидетельствует об "обучении" западных менеджеров новым для них правилам игры. Вместо выполнения роли "миссионеров", способствующих распространению более высоких стандартов ведения бизнеса, не исключено, что западные менеджеры с опытом работы в России становятся агентами негативной конвергенции и распространения внезаконных практик и преступности "белых воротничков".

Выбор случая для анализа и источники информации

Я не преследую цели проверки гипотезы негативной конвергенции во всех сферах институциональных заимствований, а лишь предлагаю обсудить ее воздействие в одной из сфер - политической. Причем главным образом на примере только двух стран - России и Германии. Их история в XIX - XX вв. описывается в терминах "догоняющей модернизации", одним из аспектов которой является заимствование оборудования, технологии и институтов стран-лидеров (сначала - Англии, затем - США). По мнению А. Гершенкрона, Германия образца XIX в. относилась к числу стран, чья отсталость носила ограниченный характер, тогда как Россию можно было считать абсолютно отсталой [Gerschenkron, 1992]. В Германии после Второй мировой войны процесс модернизации, в том числе политической, был завершен. Политическая модернизация иногда отождествляется с демократией и определяется как: утверждение принципа "верховенства закона"; становление гражданского общества как носителя "всеобщей воли"; избрание официальных лиц в процессе свободного волеизъявления избирателей [Beetham, 1991].

Германия активно вовлечена в экономические и политические взаимодействия с Россией. Так, по данным Всемирной торговой организации Россия - пятый по значимости торговый партнер Германии: на нее приходится 2% от общего экспорта Германии. Германия как в прошлом, так и в настоящем оказывает существенное влияние на интеллектуальную жизнь в России и служит одним из образцов для ее институтов [Zweynert, 2002; 2004]. Нахождение двух стран на разных этапах "догоняющей модернизации" и их активная вовлеченность в процессы институциональных заимствований (Германии - в качестве "экспортера", России - в качестве "импортера") делают их пример информативным для проверки гипотезы о возможности двустороннего (и негативного) влияния.

Строгая проверка гипотезы о негативной конвергенции требует сбора обширной информации о политических институтах в двух странах на протяжении достаточно длительного периода времени (в идеале - начиная с 1950-х гг.). За неимением возможности собрать первичную информацию в обеих странах предложенный анализ опирается преимущественно на вторичные источники. На его основе нельзя полностью принять или опровергнуть исследовательскую гипотезу, можно лишь оценить, насколько она правдоподобна.

В тексте использованы количественные данные, собранные в ходе трех "волн" (1989- 1993, 1995 - 1997 и 1999 - 2004) World Values Survey, находящиеся в открытом доступе (<http://www.worldvaluessurvey.org/services/index.html>) и обработанные мной. К числу достоинств этого массива данных относится возможность сравнительного анализа. Так, опрос 1999 - 2004 гг. проводился в 70 странах, причем данные по землям Восточной и Западной Германии приведены отдельно, что особенно ценно для анализа последствий институциональных заимствований: Восточные земли в 1950 - 1980-х гг. выступали в качестве "реципиента" советской институциональной модели, а в 1990-х гг. - уже западно-немецкой институциональной модели. Воссоздание единого германского государства сняло барьеры миграции населения и элит как на Запад, так и на Восток, что в свою очередь способствовало усилению двустороннего характера заимствования неформальных институтов.

Дизайн World Values Survey разрабатывался под решение иных исследовательских задач, но блок вопросов о политической культуре и ее динамике в 1990-е гг. содержит богатую информацию для обсуждения гипотезы о негативной конвергенции в политиче-

ской сфере. Существенным недостатком собранных данных, однако, следует признать отказ от учета специфики институционального контекста в различных странах, а также слишком абстрактные формулировки ряда вопросов (это заставляет усомниться в том, что респонденты интерпретировали их одинаковым образом). Так, ответы на вопрос о доверии к государству, к примеру, немцы и бенгальцы интерпретировали явно по-разному: в Германии, характеризующейся достаточно низкой интенсивностью коррупционных практик (в 2005 г. *CPI* = 8,2), правительству не доверяют (см. табл. 2), а одному из самых коррумпированных правительств мира - Бангладеш (*CPI* = 1,1 - самое низкое из зафиксированных в 2005 г. значений индекса) в середине 1990-х гг. полностью доверяли 31,2% опрошенных, а в какой-то мере доверяли 46% (самый высокий из зафиксированных в этой "волне" уровней доверия к правительству).

Источником качественных данных стали около десяти углубленных структурированных интервью с экспертами, хорошо знающими среду российских государственных служащих¹. Учитывая, что проведение интервью продолжается и собранный материал нельзя считать "репрезентативным" даже в смысле теоретической или целевой выборки, цитаты из экспертных интервью используются только в качестве иллюстративного материала.

Негативная конвергенция в политической сфере

Современные произведения искусства содержат богатые образы негативной конвергенции между странами Запада и Россией в области политики. Так, в пьесе Д. Фо "Двуглавая аномалия" идея негативной конвергенции выражена с помощью брутального образа "Франкенштейна": тела западного политика (С. Берлускони), которому в результате операции трансплантируют мозги политика российского (В. Путина). Тем самым "обыгрывается" как известный факт дружбы и личной симпатии между двумя политиками, так и "избирательное сродство" между политическими системами, которые они олицетворяют.

Если отвлечься от подобных метафор, то данные социологических опросов скорее дополняют, чем опровергают тезис об избирательном сродстве политических процессов в России и на Западе. Возьмем такие важные индикаторы социально-политического климата, как уровень обобщенного доверия и уровень институционального доверия, или степень доверия к различным формальным институтам - правительству, правоохранительной системе, СМИ и так далее. От значений этих индикаторов зависят запасы социального и институционального капитала, которые необходимы для успешного функционирования институтов демократии, рынка и ряда других [Social... 2000]. "Под социальным капиталом... имеются в виду те особенности социальной организации (принципы, нормы, структуры), которые способны упрочить эффективность осуществляемых обществом координированных действий... Доверие - важнейший компонент социального капитала" [Патнэм, 1996, с. 207, 211].

Возможны различные комбинации обобщенного и институционального доверия как на микро- [Олейник, 2001, с. 159 - 167], так и на макро- [Krishna, 2000] уровнях. Согласно большинству из них, эффективное функционирование современных политических институтов требует высокого уровня и обобщенного и институционального доверия, тогда как низкие значения обоих индикаторов приводят к аномии и эрозии политики как пространства общей воли и общих интересов (см. табл. 1).

¹ Интервью проведены в рамках продолжающегося исследовательского проекта, посвященного анализу особенностей властных отношений в России и поддержанного Канадским советом по социальным и гуманитарным наукам (SSHRC). В проекте, координируемом мной, участвуют С. Глинкина, К. Клеман, Н. Апарина и Г. Медведева. Экспертные интервью проведены в 2005 - 2006 гг. в трех регионах РФ - Москве, Санкт-Петербурге и Кемерово.

Таблица 1 Варианты соотношения обобщенного и институционального доверия

		Обобщенное доверие	
		Высокое	Низкое
Институциональное доверие	Высокое	Оптимальное функционирование современных институтов	Иерархические организации в политике (авторитаризм) и экономике
	Низкое	"Сетевые" формы организации в политике и экономике	Аномия

Таблица 2 Институциональное доверие: ответы на вопрос о том, насколько респондент доверяет правительству (в %)

Варианты ответа	Россия	З. Германия	В. Германия	Ср. по выборке
Полностью доверяю	3,4	1,1	1,6	10,6
Скорее доверяю	22,6	22,9	15,4	33,8
Скорее не доверяю	39,4	54,4	52,8	36,2
Совершенно не доверяю	34,6	21,6	30,2	19,4

Источник здесь и далее: World Values Survey.

В 1990-е гг. наблюдалась тенденция к снижению уровня обобщенного доверия как в России, так и в Западной Германии (см. табл. 2), причем в российском случае значение этого индикатора оказывалось устойчиво ниже среднего по выборке (за исключением 1990 г.). В Восточной Германии, напротив, наблюдался рост уровня обобщенного доверия, чему способствовало чрезвычайно низкое значение этого индикатора в 1990 г. (перед воссоединением западных и восточных земель). Ситуация с уровнем институционального доверия еще более показательна. О его динамике судить сложно - вопрос о доверии к правительству, например, задавался лишь однократно, но произведенный замер свидетельствует, что во всех трех рассматриваемых случаях уровень доверия к правительству оказался существенно ниже, чем в целом по выборке (см. табл. 2).

Уровень доверия к двум другим институтам современного общества - судебной системе и средствам массовой информации (телевидению) в рассматриваемом случае также отличается весьма несущественно. Доля тех, кто полностью доверяет судебной системе, примерно одинакова в России, западных и восточных землях Германии. Доля доверяющих в какой-то мере примерно на треть выше в Германии, чем в России, однако при этом во всех трех опросах была выявлена большая доля тех, кто скорее не доверяет судебной системе (см. табл. 3). А уровень доверия к электронным СМИ в России даже выше, чем в Германии, несмотря на то, что он снизился в первой половине 1990-х гг. (см. табл. 4).

В этой связи одинаково низкая доля респондентов, полностью удовлетворенных во всех трех случаях тем, как правительство справляется с управлением страной, не выглядит удивительной (см. табл. 5). И в России, и в Германии существенна доля тех, кто скорее не удовлетворен эффективностью правительства (впрочем, в России полностью неудовлетворенных в середине 1990-х гг. было больше, чем частично неудовлетворенных). В этой суммарной оценке эффективности правительства отражены общие негативные тенденции для обеих рассматриваемых стран при сохранении между ними некоторого разрыва ввиду разных исходных условий.

Прежде чем продолжить разговор о конкретных институциональных формах, которые принимает негативная конвергенция, стоит обсудить возможный дизайн исследова-

Таблица 3 Институциональное доверие: ответы на вопрос о том, насколько респондент доверяет судебной системе (в %)

Варианты ответа	Россия			З. Германия			В. Германия		
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.
Полностью доверяю	10,9	8,6	6,8	13,4	7,7	11,2	8,7	1,8	4,5
Скорее доверяю	27,3	30,6	29,4	52,0	46,8	52,8	32,3	31,2	45,6
Скорее не доверяю	44,5	41,6	35,5	30,6	40,1	30,7	47,0	52,0	41,2
Совершенно не доверяю	17,3	19,2	28,3	4,0	5,5	5,2	12,1	15,0	8,7

Таблица 4 Институциональное доверие: ответы на вопрос о том, насколько респондент доверяет телевидению (в %)

Варианты ответа	Россия, 1990 г.	Россия, 1995 г.	З. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1997 г.
Полностью доверяю	10,8	5,8	0,9	1,3
Скорее доверяю	44,7	40,9	21,9	19,5
Скорее не доверяю	37,7	42,1	59,3	63,2
Совершенно не доверяю	6,9	11,2	17,8	16,0

Таблица 5 Насколько вы удовлетворены тем, как руководство страны справляется с решением стоящих перед страной задач (в %)

Варианты ответа	Россия, 1995 г.	З. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1997 г.
Полностью удовлетворен	0,2	1,2	0,5
Скорее удовлетворен	3,9	31,5	29,5
Скорее не удовлетворен	41,5	48,7	52,9
Полностью не удовлетворен	54,5	18,6	17,1

ния, который бы позволил сравнивать две институциональные системы, не попадая при этом в ловушку псевдоуниверсальных категорий. Даже у таких, на первый взгляд, "простых" и имеющих аналоги во всех языках категорий, как государство, оказывается разное значение в разных институциональных контекстах. "Рядовому англичанину трудно понять, что немцы понимают под государством, равно как немцу трудно осознать значения государства как содружества... Немецкий термин "государство" не так легко перевести на английский. Это не территория, не население, не совокупность граждан или подданных, не совокупное богатство, не администрация, не правительство, не суверен, взятые по отдельности, а скорее, все эти элементы вместе" [Veblen, 1939, p. 160 - 161]. К слову, русский термин "государство" гораздо ближе к немецкому аналогу, чем к английскому.

Проблема поиска категорий и формулировок, пригодных для сравнительного исследования, имеет, как минимум, два решения. Во-первых, ее можно решить с помощью кропотливой работы по уточнению значения категорий в разных институциональных контекстах, многократному прямому и обратному переводу текста вопросов [Newman, 2000]. Во-вторых, решение проблемы подбора и сравнения аналогов можно возложить на респондента, если тот имеет опыт повседневной жизни в одной или нескольких институциональных системах. Как замечают Р. Роуз и К. Хэрпфер, "в Центральной и Восточной Европе каждый обладает навыками прикладного сравнительного экономиче-

ского анализа, ибо имеет опыт повседневной жизни как минимум в двух радикально отличных экономических системах" [Rose, Haerpfer, 1996, p. 34]. Реформы 1990-х гг. способствовали накоплению населением этих стран уникального опыта сравнительного анализа и сопоставления значений, которые имеют, на первый взгляд, одинаковые категории в различных институциональных контекстах. Еще более богатый опыт накапливают иммигранты, для которых вопросы прямого и обратного перевода категорий становятся одной из повседневных задач. Исследователи, опрашивавшие советских иммигрантов в США в начале 1980-х гг., специально отмечают их склонность к критическому сравнению и сопоставлению двух систем. Опрошенные иммигранты весьма критично воспринимали американскую систему и "с готовностью указывали сферы, в которых Соединенные Штаты могли бы поучиться у Советского Союза" [Millar, 1987, p. 20]. Иммигранты как аутсайдеры сталкиваются с наиболее неприглядными сторонами новой для них институциональной системы, так что их мнение особенно ценно для проверки гипотезы о негативной конвергенции. Причем статус иммигранта создает предпосылки не просто для критического сравнения, но и для осмысления деталей, которым обычно не уделяют должного внимания. Иммигрант должен ставить под вопрос все то, что для носителей культуры кажется само собой разумеющимся, ведь он был исключен из опыта, который лег в основу истории нового социума" [Schutz, 1987, p. 224]. Интересно, что иммигранты, сохраняющие право голоса на родине, по-видимому оценивают происходящие там процессы на основе опыта жизни до и после иммиграции. Их мнение, как правило, существенно отличается от мнения среднестатистического избирателя (стоит вспомнить результаты парламентских выборов 2003 г. в России и 2006 г. в Италии). В этой связи перспективным представляется изучение опыта русских иммигрантов в Германии: анализ их мнения помог бы найти "общий знаменатель" для сравнения двух систем и более точной проверки гипотезы об их негативной конвергенции.

Реалистическая демократия

Становлению каких конкретных и эмпирически наблюдаемых форм способствует негативная конвергенция? Такова формулировка одной из исследовательских задач, без решения которой проверка исходной гипотезы представляется невозможной. Далее будет обсуждаться тезис о том, что, двигаясь из разных исходных точек, две институциональные системы приближаются в политической сфере к модели "реалистической демократии", которая лежит на точке пересечения двух векторов регресса.

Идея реалистической, в отличие от "полной" демократии, была впервые предложена И. Шумпетером в рамках дискуссии о судьбах капитализма, социализма и демократии, состоявшейся в 1930 - 1940-е гг. Из трех элементов демократического устройства - принципа верховенства закона, гражданского общества и конкурентных выборов - акцент делается лишь на последнем. Под реалистической демократией обычно понимается "система правления, в которой подотчетность населению достигается благодаря свободным конкурентным выборам" [Rose, Mishler, 1995, p. 6]. Иными словами, в политических процессах гражданам отводится скорее пассивная роль, сравнимая с ролью потребителя в супермаркете, чья задача сводится к упорядочению некоторого числа сходных и готовых к употреблению продуктов согласно фиксированной иерархии предпочтений. Именно такая форма демократии оказалась наиболее востребованной в качестве объекта институциональных заимствований, и именно в такую форму постепенно эволюционирует политическая система в странах - "институциональных донорах".

Проверить, действительно ли гражданин превращается в пассивного потребителя политических продуктов можно, поставив его перед стандартной дилеммой выбора между ценностями свободы и порядка. Более половины опрошенных во всех трех случаях отдают предпочтение порядку (см. табл. 6), причем число россиян с такими предпочтениями только увеличилось во второй половине 1990-х гг.

Высокую степень готовности к принесению свободы в жертву порядку, обеспечиваемому властями ("сверху вниз"), а не самими гражданами ("снизу вверх"), подтверждают

Таблица 6 Если бы вы должны выбирать, то в качестве основного приоритета правительства стала бы задача... (в %)

Варианты ответа	Россия, 1995 г.	Россия, 1999 г.	З. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1997 г.
Поддерживания порядка	45,2	52,1	50,1	71,3
Защиты индивидуальных свобод	54,8	47,9	49,9	28,7

Таблица 7 Если бы подобное изменение в нашем образе жизни - более почтительное отношение к властям - произошло в ближайшем будущем, как бы вы его оценили? (в %)

Варианты ответа	Россия			З. Германия			В. Германия		
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.
Позитивно	68,2	62,8	56,2	30,3	23,9	42,6	59,0	38,7	58,2
Индифферентно	26,1	31,5	36,4	22,5	14,7	20,5	21,6	18,7	18,7
Негативно	5,7	5,6	7,4	47,2	61,4	36,9	19,4	42,5	23,0

и ответы на вопрос о том, насколько хорошей идеей было бы более почтительное отношение к властям (см. табл. 7). Сторонников подобных гипотетических перемен большинство и в России, и в Восточной Германии. Даже в Западных землях Германии число сторонников более почтительного отношения к властям резко возросло к концу 1990-х гг.

М. Вебер различает два типа порядка как стабильного равновесия во взаимодействиях, отклонения от которого временны и происходит возврат к исходной ситуации. Первый тип, называемый им "соглашением", достигается в логике "снизу вверх": "...отклонения от (порядка. - АО.) в рамках данной социальной группы вызывают относительно широкое и действенное осуждение" [Weber, 1968, p. 34]. Второй тип порядка - "закон" достигается на основе принуждения, применяемого специализированным аппаратом в логике "сверху вниз".

Еще один индикатор роста пассивности и "потребительских" настроений может быть найден в динамике ответов на вопрос о привлекательности опоры на собственную инициативу по сравнению с опорой на государственную поддержку в решении повседневных задач (см. рис. 2). Если среднее значение превышает 5 (в вопросе использовалась 10-балльная шкала Ликерта), то это свидетельствует о преобладании в обществе "патерналистских" настроений. Отмечу синхронность изменений во всех трех случаях и тот факт, что даже в Западной Германии патернализм периодически оказывается преобладающим.

Доверие к политическим партиям как одному из базовых институтов гражданского общества и ключевому элементу "полной" демократии в России даже несколько выше, чем в обеих Германиях, несмотря на резкое снижение его уровня в первой половине 1990-х гг. (см. табл. 8).

Значения интегрального показателя степени включенности рядовых граждан в политические процессы, интенсивности их интереса к политике, также сокращались на протяжении 1990-х гг. во всех трех случаях (см. табл. 9). В Германии политикой интересуются все еще больше, чем в России, но этот факт отражает, по всей вероятности, разные исходные точки: в Западных землях Германии к реалистической демократии движутся от ее более или менее полной версии, тогда как в России исходной точкой была конституционно закрепленная монополия одной (коммунистической) партии.

Реалистическая демократия не имеет иммунитета против радикального изменения содержания демократии как народовластия и ее превращения в управляемую демокра-

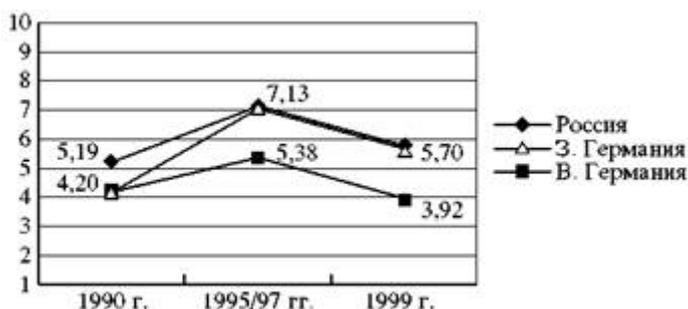

Рис. 2. Люди должны брать больше ответственности на себя в решении повседневных проблем *versus*. Правительство должно брать больше ответственности на себя в решении повседневных проблем граждан (средние значения). 1 соответствует полному согласию с первым утверждением, 10 - полному согласию со вторым утверждением.

тию. При управляемой демократии "организация патронажа на основе отношений по вертикали гарантирует, что осуществление права голоса зависимыми классами не представляет угрозы господству властвующих элит в обществе или государстве". Отсутствие или слабость гражданского общества затрудняют задачу применения на практике принципа верховенства закона. Ведь никакой высшей инстанции по отношению к самому государству, способной к выполнению роли верховного гаранта, в условиях национального суверенитета не существует [Beetham, 1991, p. 174,122].

Кроме того, конкуренция на политическом рынке при отсутствии остальных двух элементов демократического устройства внутренне неустойчива. Остановимся лишь на одном механизме монополизации политического рынка. Ввиду потенциально большого выигрыша от использования политических средств для достижения экономических целей (что возможно при интервенционистской политике государства) политический рынок из конкурентного становится монополизированным. "Экономические акторы могут

Таблица 8 Институциональное доверие: ответы на вопрос о том, насколько респондент доверяет политическим партиям (в %)

Варианты ответа	Россия, 1990 г.	Россия, 1995 г.	З. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1997 г.
Полностью доверяю	11,5	1,2	1,0	0,2
Скорее доверяю	34,1	18,2	12,9	10,0
Скорее не доверяю	34,0	45,9	68,1	67,4
Совершенно не доверяю	20,4	34,7	18,1	22,5

Таблица 9 Как бы вы оценили свой интерес к политике? (в %)

Варианты ответа	Россия			З. Германия			В. Германия		
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.
Очень интересуюсь	10,1	9,7	10,6	25,0	28,8	18,1	36,3	25,2	21,5
Скорее интересуюсь	42,6	25,3	28,5	44,2	49,1	41,1	47,8	50,5	45,1
Скорее не интересуюсь	37,5	46,5	42,6	23,4	15,9	29,4	12,1	16,4	25,3
Вовсе не интересуюсь	9,9	18,6	18,4	7,4	6,3	11,4	3,8	7,9	8,1

Рис. 3. Негативная конвергенция: визуальный образ управляемой демократии.

достигать различных целей, обычно увязываемых с концентрацией экономической власти, с помощью использования политических средств" [Etzioni, 1988, p. 223]. В итоге конечной точкой негативной конвергенции может стать даже не реалистическая, а управляемая демократия, обеспечивающая воспроизводство сложившихся властных отношений и становящаяся одним из механизмов "зависимости от прошлого" (*path dependence*) в политической сфере, затрудняющая движение вспять от управляемой демократии к полной демократии в будущем.

Властные отношения и институциональные заимствования

Предложенный подход позволяет по-новому трактовать механизм "зависимости от прошлого" - одну из центральных категорий институциональной теории. Обычно акцент делается на сложностях, которые возникают при попытках изменения неформальных правил и контрастируют с относительной легкостью изменения формальных институтов [Норт, 1997]. Внутренняя же динамика властных отношений чаще всего остается вне поля зрения исследователя. Попытаюсь восполнить данный пробел и увязать негативную конвергенцию с интересами индивидов и групп, наделенных властью. Управляемая демократия как раз и является тут главным связующим звеном. Это гибрид демократических институтов, от которых заимствуется форма, и самовластия, от которого заимствуется содержание. Вернемся к визуальному образу негативной конвергенции, представленному в рисунке 1, уточнив его в свете двух ключевых элементов обсуждаемой комбинации, "оболочки" конкурентных выборов и "ядра" самовластия (см. рис. 3).

Властвующая элита Страны Б, находящейся в процессе догоняющей модернизации, для получения международного признания и повышения эффективности государственного управления инициирует институциональное заимствование институтов демократии у Страны А. Находящаяся у власти в Стране А группа заинтересована в экспорте своей институциональной модели с целью увеличения своего международного влияния, что приводит к интенсификации контактов между двумя странами на уровне политических элит².

В процессе этих контактов политическая элита Страны А убеждается в преимуществах самовластия как модели властных отношений, воплощенной в формальных и неформальных институтах Страны Б. Действительно, самовластие означает либо полное

² В целях упрощения анализа предполагается, что на начальном этапе институциональных заимствований политических институтов принимаются во внимание только политические соображения. Следует отметить, что экономические (унификация институциональных систем как способ снижения транзакционных издержек и, следовательно, увеличения торгового оборота) и иные соображения также играют свою роль в этом процессе (подробнее см. [Badie, 1992, p. 158 - 159; Олейник, 1998]).

отсутствие, либо неэффективность институциональных ограничений политической воли. Вообще говоря, самовластие означает власть в чистом виде, ведь согласно определению Вебера власть реализуется в способности "навязать свою волю вопреки сопротивлению" [Weber, 1968, p. 53]. Обладатель неограниченной власти всегда чувствует себя комфортнее - ввиду своей способности реализовывать любые планы и достигать любых целей, требующих координации, с наименьшими издержками и затратами времени, чем обладатель власти ограниченной и "скромной", или *authority*³.

Экспансия формальных институтов демократии (в первую очередь - процедуры конкурентных выборов) в Стране Б принимает форму консервативной модернизации, или "комбинирования импортирования западных моделей с укреплением традиционной власти" [Badie, 1992, p. 132]. В свою очередь, политическая элита Страны А учится использовать преимущества всевластия как для реализации общенациональных интересов, так и для достижения узкогрупповых целей. Сохраняя формальные институты демократии, политическая элита Страны А учится ею управлять. В конечном счете, обе страны движутся по направлению к модели управляемой демократии как гибрида формально свободных выборов и неформальных практик всевластия. Поэтому триумф реалистической демократии не исключает триумфа всевластия.

Идеальный тип самовластия

Определение самовластия как ничем не ограниченной власти в чистом виде недостаточно конкретно. На его основе трудно получить индикатор, позволяющий судить о близости ситуации в той или иной стране к идеальному типу. Поэтому самовластие лучше концептуализировать с помощью пяти атрибутов, на основе каждого из которых можно получить либо номинальную, либо порядковую шкалу: а) власть как самоцель; б) нереципрочный характер; в) отсутствие механизмов обратной связи; г) отсутствие иного обоснования, помимо самого факта реализации власти; д) власть, основанная на принуждении.

Эмпирически наблюдаемые властные отношения полностью соответствуют идеальному типу самовластия, когда в наличии все пять атрибутов. В большинстве случаев присутствуют один или несколько из них, что позволяет судить о степени близости к идеальному типу всевластия или о том, насколько далеко зашел процесс негативной конвергенции. Кратко рассмотрим каждый из атрибутов, иллюстрируя обзор количественными и качественными данными о российском и германском случаях.

Власть как самоцель. Д. Вронг различает два типа власти: власть как самоцель, или власть *над*, и власть как средство для достижения каких-либо иных целей, или власть *для* [Wrong, 1980, p. 220 - 221]. В первом случае властные отношения превращаются в игру с нулевой суммой: выигрыш наделенного властью достигается *за счет* проигрыша того, кому приходится подчиняться. Во втором, если поставленная цель соответствует интересам и наделенного властью лица, и подчиненного, выигрывают оба. Противопоставление власти как игры с нулевой и ненулевой суммой подсказывает, что должна существовать негативная ассоциация между степенью уважения к правам человека и степенью близости к власти *над*. По этому критерию Россия находится гораздо ближе к ситуации власти *над*, чем Западная и Восточная Германии (см. табл. 10).

Некоторое представление об инструментальном или, напротив, самоценном характере власти можно получить, наблюдая поведение политиков в момент прощания с офи-

³ В русском языке, в отличие от большинства европейских языков, нет различия между двумя формами властных отношений, властью через убеждение (*authority*) и властью через принуждение (*power*; см. [Олейник, 2005, с. 414¹⁵]). В то же время русский язык оказывается неожиданно богат в описании оттенков власти через принуждение (самовластие, самодержавие, всевластие и т.д.) и коррупционных практик (так, с его помощью возможно различить мздоимство как взимание платы за дополнительные бюрократические услуги и лихоимство как взимание платы за выполнение положенных обязанностей [Радаев, 1998, с. 42]).

Таблица 10 Насколько уважаются сегодня права человека в этой стране? (в %)

Варианты ответа	Россия, 1999 г.	З. Германия, 1997 г.	З. Германия, 1999 г.	В. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1999 г.
Полностью уважаются	0,7	10,4	20,9	4,5	10,9
Скорее уважаются	15,6	53,9	60,4	38,8	55,2
Скорее не уважаются	43,8	33,9	16,1	51,8	30,8
Совершенно не уважаются	39,8	1,8	2,6	5,0	3,1

сом (например, после проигрыша на выборах). Самоценный характер власти существенно затрудняет процесс расставания с властными полномочиями (достаточно вспомнить фактический отказ Г. Шредера покинуть офис и признать поражение на выборах в 2005 г. и С. Берлускони на выборах в 2006 г.). При обеспечении победы назначенного занимающим офис лицом "преемника" расставание с властными полномочиями и не происходит, точнее - оно носит сугубо формальный характер (достаточно вспомнить президентские выборы в России 2000 г.).

Прямые вопросы о том, является ли власть самоцелью для тех, кто ею обладает, иногда также оказываются информативными. Например, по данным проведенного в феврале 2006 г. репрезентативного всероссийского опроса, 43% россиян соглашались с утверждением, что "для этих людей главное - сама власть", и только 10% считают, что "это люди, которые заботятся о благе народа" [Левада, 2006, с. 10].

Качественные данные подтверждают идею о самоценном характере власти в России. Даже деньги, тоже способные быть и целью, и средством, здесь занимают подчиненное положение по отношению к власти как ценности более высокого уровня. Вот выдержки из двух экспертных интервью, иллюстрирующих данное утверждение: *"Кадровые назначения - за исключением особенно политических позиций - все принимаются с деньгами. Покупают должности. Практически все. Причем вплоть до уровня министра. Известно сколько на что". "Почему очень часто люди стремятся прежде всего не к деньгам, а к власти? Потому что за властью последуют деньги. Получить власть - будут деньги"*.

Нереципрокный характер. Власть всегда предполагает асимметрию в отношениях, ведь одна из сторон решает за другую, какие действия последней необходимо предпринять, и контролирует их выполнение [Coleman, 1990, p. 66 - 67]. Однако сама по себе асимметричность не исключает взаимных обязательств: права и обязанности имеют как наделенное властью лицо, так и подчиненный, хотя их объем, естественно, различен. Если же у первого неограниченные права и никаких обязанностей, в то время как для второго данное соотношение прямо противоположно, то можно говорить о нереципрокном, исключаящем взаимность, характере властных отношений.

Степень нереципрокности можно оценить с помощью ряда и прямых, и косвенных вопросов. Так, на прямой вопрос о том, насколько интересы простых граждан принимаются во внимание при выборе политики, большинство респондентов во всех трех случаях (России и Западной и Восточной Германии) отмечают, что выбор политики подчинен интересам властвующей элиты. В России консенсус настолько силен (93,2%), что ответы не "делят" выборку и можно говорить о практически идеально нереципрокном характере властных отношений (в обеих Германиях сторонников этого мнения, соответственно, 64,1% и 78%). Еще один прямой вопрос касается сравнения степени, до которой представители власти контролируют граждан и наоборот, граждане контролируют

Таблица 11 Индекс восприятия коррупции (место в рейтинге/значение индекса)

Страна	2005 г.	2004 г.	2003 г.	2002 г.
Исландия	1/9,7	3 - 4/9,5	2/9,6	4/9,4
Германия	16/8,2	15/8,2	16/7,7	18/7,3
Россия	126 - 129/2,4	90 - 96/2,8	86 - 87/2,7	71 - 76/2,7
Бангладеш	158 - 159/1,7	145 - 146/1,5	133/1,3	102/1,2
Страна	2001 г.	2000 г.	1999 г.	1998 г.
Исландия	4 - 5/9,2	6 - 8/9,1	5 - 6/9,2	5/9,3
Германия	20/7,4	17/7,6	14/8,0	15/7,9
Россия	79 - 81/2,3	82 - 83/2,1	82 - 83/2,4	76/2,4
Бангладеш	91/0,4	-	-	-

Источник: Transparency International; 1 соответствует абсолютной коррупции, 10 - абсолютному отсутствию коррупции.

представителей власти. В России респондентов, считающих, что власть контролирует граждан, в 21 раз больше тех, что отмечают гражданский контроль власти. Это отражает крайне нересипрочный характер власти [Левада, 2006, с. 14].

Из косвенных индикаторов степени нересипрочности укажу на индекс восприятия коррупции. Если интерпретировать ее как попытку уменьшить неравенство позиций и перевести отношения на контрактную (следовательно, более или менее взаимовыгодную) основу, то чем распространеннее коррупция, тем более асимметричны отношения между лицами, наделенными властью, и подчиненными. "Взятку дает тот, кто находится в подчиненной позиции и вследствие этого пытается дачей взятки уменьшить асимметрию в своих отношениях с лицом, обладающим большими полномочиями" [Яковлев, 1988, с. 150]. Анализ динамики индекса восприятия бизнесменами коррупции свидетельствует о стабильности и относительной благоприятности ситуации в Германии и о стабильно неблагоприятном положении в России (см. табл. 11). Вероятно, асимметричность отношений между бизнесом и властью в Германии более низка, чем между обычными гражданами и властью.

Отсутствие механизмов обратной связи. Нересипрочный характер властных отношений не всегда исключает механизмы обратной связи между лицами, наделенными властью и подчиненными. Так, в советской политической системе, характеризовавшейся асимметричностью, тем не менее существовали механизмы обратной связи через подачу жалоб и обращение по инстанциям [Кирдина, 2001, с. 129]. Нересипрочный характер власти при отсутствии механизмов обратной связи означает крайнюю степень односторонней зависимости субъектов власти, присущей самовластию.

Оценить эффективность механизмов обратной связи можно с помощью проективного вопроса о действиях в ситуации, когда принимается несправедливый закон. По опросам 1990 г. не верят в возможность донести свое мнение о несправедливом законе до законодателей и правительства большинство респондентов во всех трех случаях (80,8% в России, 62,5% в Западной Германии и 56,6% в Восточной Германии). Конечно, разница между 56,6% и 80,8% существенна, но речь идет, скорее, о разной степени близости к идеальному типу самовластию. Отмечу, что в российском случае после 1990-го г. можно ожидать лишь увеличения доли лиц, не верящих в возможность донести свое мнение до правителей. По свидетельству одного из экспертов, *"никогда инициатива в принятии решений не исходила снизу"*. *"За последние 15 лет. Снизу решения исходили при Горбачеве и в ранний ельцинский период. После 1993-го г. и даже еще раньше - после 1992-го - с этим покончено"*. Иными словами, как это ни парадоксально звучит, опрос 1990 г. в

Таблица 12 Каким должен быть главный приоритет для страны на ближайшие 10 лет? (в %)

Варианты ответа	Россия		З. Германия		В. Германия	
	1990 г.	1997 г.	1990 г.	1997 г.	1990 г.	1997 г.
Экономический рост	72,2	71,3	48,8	57,6	72,3	71,1
Обороноспособность	7,8	14,1	3,3	2,3	0,9	1,2
Более активное участие граждан в управлении страной	15,2	12,7	33,6	32,8	18,5	21,1
Забота о среде обитания	4,8	1,9	14,3	7,3	8,2	6,5

Таблица 13 Что является главным приоритетом для вас лично? (в %)

	Россия			З. Германия			В. Германия		
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.
Порядок в стране	58,8	63,8	56,4	37,2	24,9	40,5	37,3	38,3	49,6
Участие граждан в управлении страной	24,2	15,2	18,7	26,0	46,5	33,3	33,5	45,8	28,1
Борьба с инфляцией	14,8	19,4	23,6	10,2	5,1	16,0	11,7	7,6	15,7
Защита свобод слова	2,2	1,6	1,3	26,6	23,5	10,1	17,5	8,3	6,6

России отражал относительно благоприятную - по сравнению с предшествующими и последующими годами - ситуацию с эффективностью обратной связи.

Отсутствие иного обоснования, помимо самого факта реализации власти. Как доказывает Д. Битхэм, легитимная власть нуждается в обосновании, причем это обоснование предполагает отсылку к принципам, понятным как правителям, так и субъектам власти, и разделяются ими обоими. "Правила не могут быть обоснованы просто на том основании, что они являются правилами: обоснование требует отсылки к внешним по отношению к ним соображениям" [Beetham, 1991, p. 69]. Напротив, самовластие самодостаточно и исключает какое-либо внешнее обоснование. В последнем случае власть "не нуждается в представлении другой вещи" [Пивоваров, Фурсов, 1998].

Принципы, понятные и правителям, и субъектам власти, могут содержаться в научной доктрине, традициях, "естественном праве", религиозном учении или "всеобщей воле", материализованной в результатах референдумов или инициатив [Beetham, 1991, p. 72]. Каким бы ни был их конкретный источник, об их существовании можно косвенно судить по степени согласованности индивидуальных приоритетов и приоритетов развития страны. Можно предположить, что чем выше степень согласованности приоритетов в развитии страны и личных приоритетов граждан, тем выше вероятность наличия у государственной власти *внешнего*, отличного от самого факта ее реализации, обоснования.

В трех рассматриваемых случаях наблюдается диссонанс между приоритетами на макро- (см. табл. 12) и микроуровнях (см. табл. 13). Так, экономические цели являются, по мнению российских респондентов, главным приоритетом для страны в целом, тогда как ценности порядка преобладают на микроуровне, более чем в два раза опережая по частоте упоминания экономические цели (борьбу с инфляцией). В случае обеих Германий картина сходная, однако и на макро-, и на микроуровне есть устойчивый консенсус в отношении второго по частоте упоминания приоритета - демократии. Примерно треть респондентов считают демократию приоритетом и для страны, и для себя лично. Замечу, что частота упоминания "постиндустриальной" ценности, заботы о среде обитания, на протяжении 1990-х гг. уменьшилась во всех трех случаях.

Таблица 14 Использование насилия для достижения политических целей никогда не может быть оправдано (в %)

Варианты ответа	Россия, 1995 г.	З. Германия, 1997 г.	В. Германия, 1997 г.
Полностью согласен	44,2	49,0	45,6
Скорее согласен	37,3	36,3	39,6
Скорее не согласен	15,1	10,0	9,9
Полностью не согласен	3,4	4,7	4,9

Таблица 15 Институциональное доверие: ответы на вопрос о том, насколько респондент доверяет полиции (милиции) (в %)

Варианты ответа	Россия			З. Германия			В. Германия		
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.	1990 г.	1997 г.	1999 г.
Полностью доверяю	7,5	5,6	7,0	12,2	10,1	13,2	7,2	4,0	5,0
Скорее доверяю	27,7	24,8	22,0	57,7	60,9	62,3	32,4	47,6	60,2
Скорее не доверяю	44,4	42,4	36,4	26,3	26,3	21,3	48,7	40,1	30,5
Полностью не доверяю	20,5	27,3	34,6	3,8	2,8	3,2	11,7	8,4	4,3

Власть, основанная на принуждении. Репертуар "техник" самовластия включает различные производные принуждения: насилие (использование силы), принуждение (угроза использования силы), манипулирование и доминирование на основе наложения интересов (власть на основе монопольного положения). Насилие имеет две формы: физическое как "причинение страданий или нанесение повреждений, ставящих под угрозу жизнь и делающих невозможным удовлетворение основных физиологических потребностей" [Wrong, 1980, p. 24], и психическое. Принуждение достигается за счет угроз использовать силу в случае отказа от подчинения. "Угроза означает обещание определенных действий в ответ на (отказ подчиниться. - АО.)", причем если правитель все же вынужден привести угрозу в исполнение, то это означает провал всей "техники" принуждения [Schelling, 1960, p. 124]. Манипулированием принято считать "способность правителя к осуществлению скрытого влияния на субъекта власти, о котором последний и не подозревает" [Ledyayev, 1997, p. 190]. Наконец, доминирование на основании наложения интересов базируется на монопольном положении лица, наделенного властью, и ввиду отсутствия каких-либо явным образом сформулированных правил "субъективно ощущается более угнетающе, чем в случае властных отношений с четко определенными обязанностями подчиненного" [Weber, 1968, p. 946].

Косвенная оценка распространенности "техник", характерных для самовластия, может быть получена с помощью анализа ответов на вопрос об обоснованности использования насилия для достижения политических целей и вопросов об отношении к полиции (милиции) как к институту, призванному реализовывать монополию государства на использование насилия. И в России, и в Германии наблюдается устойчивый консенсус относительно невозможности использования насилия для достижения политических целей (см. табл. 14). Во всех трех случаях низка доля тех, кто полностью доверяет полиции (милиции). Однако при этом в обеих Германиях существенно выше доля тех, кто считает возможность доверять ей частично, тогда как в России более двух третей респондентов либо вообще не доверяют милиции, либо скорее не доверяют (см. табл. 15). Естественно предположить, что милиция использует в России монополию на насилие не так, как от нее ожидают, ведь доверие связано с ожиданием определенных действий контрагента, когда от этих действий зависит поведение самого индивида [Ostrom, 1998, p. 12].

Вопрос о возможности найти оправдание отказу подчиниться требованиям полиции позволяет уточнить, насколько монополия полиции на насилие легитимна в глазах населения. Если оправданий неподчинению нет, то оправдано использование насилия самой полицией. В начале 1990-х гг. большинство респондентов во всех трех случаях считали использование полицией насилия оправданным, хотя в России относительно легче найти оправдания неподчинению представителям закона. Среднее значение на 10-балльной шкале Ликерта (где 1 - "неподчинение полиции никогда не может быть оправдано", 10 - "неподчинение полиции всегда может быть оправдано") в 1990 г. для России было равным 3,4; для Западной Германии - 2,64 и для Восточной Германии - 2,29.

"Техника" доминирования на основе наложения интересов особенно трудна для эмпирического анализа и фальсификации. Асимметрии, характерные для властных отношений, здесь производны от асимметрий, присущих рыночным и иным структурам. Так, неконкурентная структура рынка создает такие предпосылки для конвертирования монополитического положения во власть, как контроль над ценами, выбором потребителя и т.д. Речь идет о "структурных перекосах", которые могут осознанно или неосознанно способствовать получению и укреплению власти [Lukes, 2005, p. 25].

С. Лукес предлагает в этой связи использовать контрафактный метод анализа: как вели бы себя участники взаимодействия, если бы структурных перекосов не существовало? Приведенная ниже выдержка из экспертного интервью служит иллюстрацией контрафактных размышлений о параметрах "вынужденного партнерства" (добровольно-принудительных отчислений компаний на решение социальных проблем региона), навязываемого бизнесу одной из региональных администраций в России. "Структурный перекош" позволяет администрации в одностороннем порядке решать, сколько можно получить с компании, желающей работать на региональном рынке, в виде налогов и дополнительных отчислений. Компания заинтересована в новом рынке (отсюда - наложение интересов), но имеет заведомо более слабую переговорную позицию в условиях укрепления "вертикали власти" и усиления вмешательства государственных органов в экономические процессы: *"Вот именно сотрудничество и партнерство, а не будь такового - бизнес ушел бы с этого региона, он не работал бы здесь. Это уже называется чинить препятствия развитию бизнеса. То есть я считаю, что в областной власти далеко не дураки, и они взвешивают возможности той или иной компании. Скажем так, грубо говоря, на сколько ее можно поиметь, но при этом так, чтобы не обобрать как липку. Потому что никто не позволит обобрать, как липку"*.

Условия завершения негативной конвергенции

Если данные, приведенные в разделах о негативной конвергенции в политической сфере и о реалистической демократии, свидетельствуют о негативной конвергенции институциональной организации политики, то более подробное обсуждение в предыдущем разделе конечной точки этого процесса - самовластия показывает, что степени близости к ней, или регресса относительно исходных точек, в российском и немецком случаях разнятся. Для более полного понимания динамики негативной конвергенции требуется решить две дополнительные исследовательские задачи:

- наличие каких условий требуется для начала и продолжения негативной конвергенции; иными словами, сохранение каких условий будет способствовать достижению конечной точки конвергенции;
- какие факторы объясняют разную скорость движения политических систем (в частности, российской и немецкой) по направлению к конечной точке конвергенции.

Конвергенция в любой форме, в том числе негативная, возможна лишь при условии интенсивных контактов и обменов между институциональными системами. Конвергенция полностью изолированных и автаркичных систем маловероятна. Следовательно, глобализацию следует признать необходимым условием конвергенции в любой ее форме. Как интенсификация обменов между системами и институциональных заимствований она не исключает ни позитивной, ни негативной, ни гибридной (как их комбинации)

конвергенции (о различных формах конвергенции см. [Andreff, 1992, p. 65 - 72]). Предположительно необходимым условием негативной конвергенции в политической сфере является то, что активную роль в обменах играют преимущественно члены властвующих элит, тогда как подавляющему большинству других индивидуальных и коллективных акторов отведена пассивная роль.

Социологическое воображение подсказывает, что самовластие - кратчайший путь к принятию решений, имеющих "существенные последствия". Ведь только в этой ситуации удастся избежать длительного процесса согласований и поисков компромисса. Значит, если политические элиты имеют *carte blanche* в определении "правил игры" для обменов на глобальном уровне, они оказываются заинтересованными в "обучении" самовластию, обеспечивающему дополнительные степени свободы рук в достижении индивидуальных и коллективных целей. Отсутствие на глобальном уровне демократических ограничений власти, отличавших западные страны на национальном уровне до начала негативной конвергенции, облегчает процесс "обучения" властвующих элит самовластию. Ряд исследователей отмечает в этой связи "дефицит демократических институтов" на глобальном уровне [Центр... 2003]. Механизмы самовластия начинают воспроизводиться и на национальном уровне в западных странах, принимая форму реалистической демократии.

В отношении властвующих элит изначально недемократических стран социологическое воображение подсказывает, что они заинтересованы в "обучении" тем правилам демократии, которые представляют наименьшую угрозу для самовластия на национальном уровне. Поэтому распространение реалистической демократии и в этой группе стран отражает интересы властвующих элит. Почему здесь уместно говорить о регрессе по сравнению с исходной точкой (однопартийной системой)? Дело в том, что рассматриваемый процесс способствует разрушению некоторых механизмов ограничения самовластия в прежней системе (например, жесткой партийной дисциплины), не создавая взамен новых.

Трансферт формальных институтов - механизма выборов - осуществляется в явной форме на основе межгосударственных соглашений, программ технического содействия и обмена опытом. Трансферт неформальных институтов самовластия во встречном направлении происходит в рамках различного рода сетей и слабо формализованных структур с участием властвующих элит как западных, так и постсоветских стран. Упомянутые выше привилегированные личные отношения политических лидеров, двух- и многосторонние "клубы по интересам", в том числе и не имеющая формальной "конституции" группа G8 иллюстрируют данное утверждение. "Что касается межправительственных связей чиновников... большинство граждан даже не догадываются о существовании этих сетевых структур" [Центр... 2003, с. 21].

Сети - эффективный механизм институциональных трансфертов, так как позволяют локализовать инновацию и защитить новую норму от конкуренции со стороны доминирующих в обществе норм [Boyer, (Mean, 1992)]. В случае "обучения" нормам самовластия в западных странах это особенно актуально: эти нормы в принципе не могут быть публично обоснованы в демократической среде. Поэтому нормы самовластия нуждаются в защитной среде и атмосфере секретности закрытых сетей, или клик.

Обратная сторона активной роли властвующих элит в процессах глобализации - пассивность остальных индивидуальных и коллективных акторов. В их отношении оказывается вполне оправданным допущение о реактивном характере человеческого поведения: человек лишь отвечает на стимулы, создаваемые институциональной средой (допущение, делаемое в рамках институциональной экономики) или же слепо следует нормам, господствующим в социуме (о чем говорят сторонники многих направлений в социологии). Властвующие элиты получают возможность вести себя оппортунистически при определении правил глобальной игры до тех пор, пока допущение о реактивном поведении других акторов остается в силе. Пока демократические ограничители не начнут действовать на глобальном уровне, глобализация будет провоцировать негативную конвергенцию.

Что касается второй исследовательской задачи, то можно предположить, что скорость негативной конвергенции данной институциональной системы зависит от таких факторов, как:

- интенсивность контактов с системой, в которой изначально воплощена модель самовластия (случай Германии и России в этом смысле показателен);
- исходные запасы социального и институционального капитала (под последним в данном случае понимаются формальные институты - своего рода "скелет" - полной демократии, существование которых может существенно замедлить движение к самовластию)⁴;
- "структурные перекосы" в международных отношениях (например, зависимость демократической страны от поставок энергоносителей из страны, где господствует самовластие, увеличивает скорость эрозии полной демократии)⁵.

* * *

Проведенный анализ позволяет предположить, что наблюдаемый сегодня в России отход от демократических принципов - составное звено более широкого процесса негативной конвергенции. От эрозии институтов полной демократии не застрахованы не только постсоветские страны, но и страны - "экспортеры" этих институтов. Процесс институциональных заимствований носит двусторонний характер. При отсутствии демократических ограничений на глобальном уровне властвующие элиты в западных странах могут начать воспроизводить элементы самовластия как наиболее удобной и наименее затратной стратегии реализации индивидуальных и групповых целей.

Предложенный анализ ни в коем случае не следует интерпретировать как аргумент в пользу отказа от глобализации и возведения новых "железных занавесов". Он лишь указывает на то, что пока существующий на глобальном уровне дефицит демократических институтов не будет восполнен, глобализация будет оставаться движущей силой негативной конвергенции. Поэтому необходимы совместные усилия во всех странах по проведению реформ на метагосударственном уровне. Среди прочего, эти усилия предполагают укрепление и поддержку негосударственных акторов, способных выйти за национальные рамки; сглаживание "структурных перекосов" (в том числе за счет развития альтернативных источников энергии); распространение информации о пагубных эффектах негативной конвергенции, и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
Левада Ю. Общественное мнение в политическом Зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. N 2.
Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // Мировая экономика и международные отношения. 1998. N 1.
Олейник А. Конституция российского рынка // Институциональная экономика. М., 2005.

⁴ Относительное "отставание" Германии в движении к конечной точке негативной конвергенции как раз и объясняется существенными запасами социального и институционального капитала, накопленного в этой стране в 1950 - 1970-е гг.

⁵ Укажу на два возможных механизма эрозии в этом случае. С одной стороны, в отношении властвующей элиты в демократической стране может быть применена стратегия принуждения и шантажа, с другой - властвующая элита в демократической стране может попробовать устранить "структурный перекося", создавая контрмонополии в экономической и политической сферах. А эти контрмонополии, в свою очередь, будут способствовать эрозии институтов полной демократии "изнутри".

- Олейник А.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М., 1996.
- Пивоваров Ю., Фурсов А.* Правопреемство и русская власть // *Полития*. Вестник Фонда РОПЦ. 1998. N 1 (весна).
- Радаев В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
- Центр изучения глобализации и регионализации Университета г. Варвик // *Демократизация глобальной экономики. Роль гражданского общества*. Варвик-Ковентри, 2003.
- Яковлев А.* Социология экономической преступности. М., 1988.
- Andreff W.* Convergence or Congruence between Eastern and Western Economic Systems // *Convergence and System Change: The Convergence Hypothesis in the Light of Transition in Eastern Europe*. Aldershot (Hampshire), 1992.
- Andreff W.* La mutation des economies postsocialistes. Une analyse economique alternative. Paris, 2003.
- Badie B.* L'Etat importe: Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique. Paris, 1992.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. New Jersey, 1991.
- Boyer R., Orlean A.* How Do Conventions Evolve? // *Evolutionary Economics*. 1992. Vol. 2. N 3.
- Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge-London, 1990.
- Etzioni A.* The Moral Dimension: Toward a New Economics. New York-London, 1988.
- Gaddy C.G., Ickes B.W.* Resource Rents and the Russian Economy // *Eurasian Geography and Economics*. 2005. Vol. 46. N 8.
- Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective // *The Sociology of Economic Life*. Boulder, 1992.
- Krishna A.* Creating and Harnessing Social Capital // *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, 2000.
- Ledyaeв V.G.* Power: A Conceptual Analysis. Commack. New York, 1997.
- Lukes S.* Power: A Radical View. Hampshire-New York, 2005.
- Millar J. R.* History, Method and the Problem of Bias // *Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens*. Cambridge, 1987.
- Newman L.W.* Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, 2000.
- Ostrom E.* A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // *American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. N 1.
- Petro-Canada Policies: Prevention of Improper Payments // <http://www.petrocanada.ca/eng/inves-tor/pdf/Policy-Prevention-Improper-Payments-E.pdf> accessed on May 15, 2006.
- Rose R., Haerpfer C.* New Democracies Barometer IV: A 10 Nation Survey // *Studies in Public Policy*. 1996. 262.
- Rose R., Mishler W.* What Are the Alternatives to Democracy in Post-Soviet Societies // *Studies in Public Policy*. 1995. N 248.
- Russia: Investment Destination (a Survey Conducted for the Foreign Investment Advisory Council and the RF Ministry of Economic Development and Trade). Moscow, 2005 March // <http://www.pbn-co.com/fiacsurvey/index.php> accessed on May 10, 2006.
- Schelling T.S.* The Strategy of Conflict. Cambridge (Mass.), 1960.
- Schutz A.* Le chercheur et le quotidien: Phenomenologie des sciences sociales. Paris, 1987.
- Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, 2000.
- Transparency International, Corruption Perceptions Index (2005) // http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi accessed on May 15, 2006.
- Veblen T.* Imperial Germany and Industrial Revolution. New York, 1939.
- Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. New York, 1968.
- Wrong D.H.* Power: Its Forms, Bases and Uses. New York, 1980.
- Zweynert J.* Eine Geschichte des okonomischen Denkens in RuBland: 1805 - 1905. Marburg, 2002.
- Zweynert J.* Shared Mental Models, Catch-Up Development and Economic Policy-Making. The Case of Germany after WWII and Its Significance for Contemporary Russia // *HWWA Discussion Paper*. N 288. Hamburg, 2004.